

ТРЕТИЙ ЗВОНОК...

Репортаж

ПОДНИМАТЕ, ПЕРЕКЛАДЫВАЙТЕ — это звучит так: «Вот эта вещь — это важно, но обязательно вертикально вверх и подержите так минут десять-пятнадцать. Что, не выходит? А если взять в эту руку еще груз килограмма в три-четыре!».

Надеюсь, теперь вы легко себе представили, какво артистам-кукольников приходится работать за ширмой в нашем Горьковском театре кукол. Они пригласили меня на интересный спектакль по Шукшину. «До третьих петухов» называется. Ужас, как хотелось посмотреть все по-нормальному, как все люди, из зала, но тогда о чем бы я вам смог рассказать? А так...

Пробравшись благополучно на кухню и все видев своим глазами, как оно там готовится, это вкусное блюдо, на которое так много желающих попасть.

— Значит, так: берете лимон, катруете на терке, перебиваете с майонной кашцей и трите в майонной масле сливочного тудя же, намазываете на коржи и наслаждаете, а сверху глазурь шоколадная...

Это голос Любы Дуркиной. Мне интересно было, о чем говорят актеры перед самым началом спектакля, вот и записал я вместе с Леной Мишиной рецепт торты под названием... Ну, это ладно, не о нем речь.

Прозвонел третий звонок, и всех словно ветром сдуло, похватили своих кукол — и бегом на исходную. Струдились человек десять на маленьком пятачке, это у них самая первая сцена такая, в библиотеке. Когда там только нет: и Онегин, и Обломов, и Атаман... Ленский, Бедная Лиза, Змей Горыныч, Илья Муромец. Важный вопрос решается: как быть с Иванушкой-дурачком, как его умным сделать?

Люба Дуркина капризную дочь Бабы Яги изображает (а я и не знал, что у Бабы Яги может быть дочь), а Соня Черемных — саму Бабу Ягу. Что же до Лены Мишиной, то даже трудно обозначить ее роль в спектакле. По-моему, она была везде и со всеми. Я выпысываю из программки ее основные сценические обязанности: Лиза, Чертова, Черт, гостя Несмеяны... Неосновные просто не записаны. Когда Ваня, точнее актер, играющий эту роль, танцевал, то без Лены у него ничего бы не получилось.

Вообще я заметил вот какую деталь: там все делают все, никакого премьерства, беготня страшная, как только лбами не сталкиваются. Сбросил одну куклу, подхватил другую — и бегом, по ходу «меняя дискант на баритон», — такая вот аргументация. Едва успеваю увернуться, чтобы не сбили с ног.

...и в себе не чувствует, что-то такое, если упустить момент.

Он после этой сцены словно выжатый лимон был, никак не мог прийти в себя, да и времени особого для восстановления не было. Начинается новая сцена, и снова труба зовет: Ваня пускается в пляс. Тут уж Саше три человека помогают: Саша Носов берет в свои руки Ванны ноги, Лена Мишина с руками управляет, а еще кто-то, уж не помню кто, каблучками чечетку выколачивал. А другие актеры бегут за другими куклами и возвращаются снова бегом.

— За ширмой идет своя жизнь, — сказала мне потом Александра Ивановна Харчевникова, заслуженная артистка РСФСР. — Тут другой спектакль, более насыщенный и более динамичный. У нас работают настоящие труженики, энтузиасты, физически выносливые, с драматическими, речевыми и даже цирковыми способностями.

Александра Ивановна более сорока лет (сорок с хвостиком) работает в кукольном театре. Пришла из драматического, и уж коли не вернулась назад, то стоит ли спрашивать: не ошиблась ли, не жалеет ли?

В Горьковском кукольном театре всегда выиграл. Четыре сотни билетов расходятся вмиг и на детские, и на взрослые спектакли. Коллективные заявки принимаются только за неделю. Охота за лишним билетиком — обычная ситуация у входа в театр.

— В чем секрет столь устойчивого успеха? — спрашиваю Елену Петровну Мишину.

Она тоже актриса со стажем — двадцать три года отдано сцене, и ее труд увенчан почетным званием «Заслуженный артист РСФСР».

— Может быть, в том, — раздумчиво говорит она, — что среди нас нет равнодушных. Мы все очень любим нашего горьковского зрителя, и он, значит, любит нас.

— Лена, но вы и зритель разобщены ширмой, он видит лишь куклу, которая хорошо устроилась у вас на руке.

— Кукольник не тщеславен, ему не угрожает популярность, в этом вы правы. И даже хорошо, если зритель не чувствует нас. Высшее мастерство в нашем деле в том и заключается, чтобы зритель увидел нашего героя самого по себе, автономно, чтобы забыл он про артиста, который за ширмой рвется и что-то такое вкладывает в его уста...

— Лена, вам трудно быть объективной, а я это понимаю, и все-таки наш Горьковский кукольный по стране как котировается?

Елена ненадолго задумалась, а потом, улыбнувшись, похоже, очень искренне сказала:

— Я люблю свой театр... Даже бывшие Ленинградского, а он считается у нас самым лучшим...

— Самый лучший — наш! — уверенно изрекла Софья Черемных.

— Дайте подписаться мне под этими словами, — быстро откликнулся Саша Жеребцов.

— И мне, — подал голос Саша Носов.

— Ну вот видите, какая солидарность, — поддержала их Александра Ивановна Харчевникова. — У нас коллектив что надо!

— Это точно! — сказала Люба Дуркина. — Мы все здесь настолько взаимосвязаны, настолько мы все крошечки и пельмечки. Вы понимаете, о чем я говорю!

— Понимаю... Важнее в свободное время!

— Вазать-то вазу, — слегка удивилась она моей прозорливости. — И торты тоже пеку, но не в этом дело. Я вот о чем хочу сказать: двадцать лет я в этом театре и не припомню такого дня, чтобы играла по обязанности, без души. Да и другие тоже. Вот Лена Мишина, а перед ней просто преклоняюсь. Или Саша Носов, Саша Жеребцов выкладываются до предела. Да все, не только они, все горят единым пламенем, тут иначе нельзя...

Честно признаюсь, поначалу я затруднился было, когда узнал, что с Ириной Николаевной Шлямовой, директором театра, не смогу встретиться, да и Александра Ивановича Мишину, главного режиссера, не увижу. Прямо срывается задание, и все.

Но вот, уходя из театра, подумав, что больше, чем я увидел за кулисами, больше, чем услышал от актеров, никто бы не мог мне так рассказать.

В. ТАТАРИНЦЕВ.

На снимке: артисты Горьковского театра кукол в костюмах любимых героев (слева направо) — А. Харчевникова, А. Носов, С. Черемных, С. Шельменкина, В. Смолов, Е. Мишина, А. Мясников.

Фото В. АНДРИАНОВА.



Из зала посмотрели — все плавно, чинно, благородно, куклы ходят вроде не спеша и загадочно моргают большими глазами — залюбуешься! А тут, за ширмой, что творится! Саша Жеребцов носится, как заведенный. Он сегодня Иванушку играет, а иногда, бывает, и Бабу Ягу. Ну, казалось, кто его видит! Таскает себе своего Ивана да говорит, что положено по роли. Ремесленник так бы, наверное, и поступил, но ведь Саша — творец! Сидит, жмется, жмется, слышит — все это для Иван, для Иванушки, чтобы он вышел и исполнил роль. Я не видел, как вытаскивает из-под себя Иван, потому что не мог оторвать взгляда от Саши. У него одна только сцена длится целых двадцать пять минут. Это я о поднятой руке с грузом в три килограмма — чуть ли не в три